

НЕФАРТОВЫЙ

Виктор
ГУСЕВ

Виктор Гусев
Нефартовый

«ЭКСМО»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

Гусев В. М.

Нефартовый / В. М. Гусев — «Эксмо», 2017

Три статуэтки ТЭФИ, правительственная премия лучшему пишущему журналисту и медаль «За боевые заслуги». Спасательная экспедиция в Антарктиде и война в Африке. Борьба за выживание на необитаемом острове и необычное кругосветное плавание. А еще – учеба в Америке, работа в НХЛ с легендарным тренером и жизнь на улице имени своего деда. Он прошел 15 олимпиад, комментировал на Первом канале матчи 13 чемпионатов мира и Европы по футболу. Совершал исторические заокеанские турне с хоккейными клубами «Динамо» и ЦСКА. Он выпускал судовую газету и первый в стране цветной журнал о футболе. Работал пресс-атташе футбольной сборной России и синхронным переводчиком на 50 конгрессах Международной федерации хоккея. А однажды стал «русским пингином». Все это – один человек: Виктор Гусев. А его книга – это не только о хоккее и футболе. Это про лед, взломанный на пути к цели, и про поле жизни, насыщенное невероятными событиями. И еще это очень смешно...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

© Гусев В. М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нефартовый Виктор Гусев

© Гусев В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Предисловие Летят гуси

«Как может быть фартовым или нефартовым телекомментатор? Способен ли человек, не участвующий в игре, не являющийся тренером или судьей, влиять на исход матча? Да и само странное слово «фарт». Англичане с американцами – те вообще, как его услышат, так удивленно вздымают брови и морщат нос... Посмотрите перевод в словаре».

Под ярким полуденным солнцем я шел по железнодорожной платформе Внуково, и все эти вдруг завертевшиеся в голове мысли не имели никакого отношения к реальности прекрасного августовского дня. Позади были очередные сутки летней Олимпиады, которую мы на этот раз освещали из Москвы. Без Рио-де-Жанейро и белых штанов – ничего страшного! В конце концов, футбольную Мекку удалось посетить за два года до того, когда в Бразилии был незабываемый чемпионат мира. Чего стоила хотя бы работа на «Маракане»! Помните, как немцы в дополнительное время вырвали победу у аргентинцев? То был мой шестой чемпионат мира в качестве телекомментатора Первого канала и четвертый репортаж о финальном матче.

И вот уже четырнадцатая Олимпиада, начиная с московской, на которой я работал в далеком 80-м еще корреспондентом ТАСС. Восемь лет спустя была совершенно необычная поездка на Игры в Сеул: туда я отправился переводчиком сборной СССР по борьбе. Поэтому жил в Олимпийской деревне и имел доступ в святая святых – за кулисы соревнований. А в Альбервиле на зимних Играх-92 получил предложение от телевизионщиков. С тех пор – в Останкино. И снова Олимпиады: еще пять летних и шесть зимних.

Так что начиналось все уже почти сорок лет назад в олимпийской Москве, и вот круг замкнулся. Интересно, что для «anchorman», как называют ведущего в студии англичане и американцы, особой разницы-то и нет. Сидней или Афины, Пекин или Лондон – наши рабочие помещения на их телецентрах мало чем отличались друг от друга. А все они, вместе взятые – от специальной студии, воздвигнутой на время Игр-2016 в Останкино.

В дословном переводе «anchorman» – это что-то вроде «человек-якорь». Очень точно: сидишь, как якорем к стулу прицепленный...

Кстати, про настоящий якорь. С его помощью я пытался раскатать застрявший у побережья Антарктиды ледокол. Чистая правда! Но об этом чуть позже.

Итак, я шел по внуковской платформе, радуясь тому, что сейчас, добравшись до дома, смогу выспаться перед своим очередным «олимпийским будильником» в четыре утра. И при этом мысленно рассуждая о суеверии – жалком уделе тех, у кого нет веры. Так ведь говорят?

В эту секунду я почувствовал, что лечу. Нет, не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Под находившейся ближе к краю платформы левой ногой обрушился кусок бетона. Впрочем, это я узнаю только сутки спустя, когда Оля привезет фото рухнувшего подо мной перрона в больницу. А пока, совершив самый настоящий «фосбюри-флоп», я со всего маху и с довольно приличной высоты спиной брякнулся на рельсы.

Думаю, замысловатый стиль невольного прыжка во многом предопределил надетый через плечо тяжелый планшет. И он же в итоге спас позвоночник.

Сумку я купил в Берлине с четвертого за два года захода в один и тот же магазин. Сначала не было с собой достаточного количества денег, потом не срабатывала банковская карточка, в следующий раз сам предмет на время исчез с прилавка...

Мистика! За всю жизнь я ни разу так не стремился приобрести какую-то конкретную вещь, тем более столь прозаическую! Но ноги сами несли в ту неприметную лавку. А

теперь, возможно, продолжают носить меня только потому, что при приземлении выстраданное немецкое приобретение счастливым образом оказалось между спиной и рельсой.

Более ста кг живого веса уже готовы были стать страшным приговором. Но сумка! Никогда не видел айпэд, словно лего, расколотый на мелкие кусочки. А как вам мобильник, превратившийся в подкову (на счастье?!). Интересна судьба банана, который я взял с собой на работу, но не успел съесть в олимпийской запарке. Он просто исчез! Точнее, стал частью текстуры самой сумки, введшись в ее стенки настолько, что теперь всю оставшуюся жизнь я, открывая мою спасительницу, буду чувствовать запах далекой экзотической плантации. Или как минимум любимой с детства пластиночной жвачки Juicy Fruit, которую тогда привез из командировки на Кубу мамин папа – дедушка Коля.

...Над койкой в Боткинской улыбался лечащий врач:

– А вам повезло, Виктор Михайлович! Всего-то три сломанных, да и то не сами позвонки, а отростки. Это месяца два в постели. Пишите книгу.

– Спасибо, доктор. Но как – в таком положении?

– Ну как? Печатайте одним пальцем. И начните с того, что вы – фартовый...

Глава первая И в какой стороне я ни буду

*Девушки, гляньте,
Гляньте на дорогу нашу,
Вьется дальняя дорога,
Эх-да развеселая дорога.*

*Виктор Гусев.
Полюшко-поле*

Вердикт вождя

Сталину не понравились слова гимна Советского Союза, которые написал мой дедушка. Говорят, вождь сказал: «Слишком мягкий текст. И не надо было так много о природе. Да и религию Гусев зачем-то приплел».

Виктор Михайлович Гусев проиграл не в одиночку. Во-первых, в соавторстве со своим давним другом композитором Тихоном Николаевичем Хренниковым. Во-вторых, были забракованы еще четыре варианта, предложенные участниками конкурса. Победили, как известно, стихи двух корреспондентов фронтовой газеты «Сталинский сокол» Сергея Михалкова и Габриэля Эль-Регистана. То, что предложили они, было признано более правильным по стилистике. Да и музыка Александра Александрова, положенная в основу, к тому времени уже прошла проверку временем как «Гимн партии большевиков».

Кстати, специальная правительственная комиссия по «госприемке» дала работе Гусева – Хренникова положительную оценку. Она сохранилась в архиве: «Торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Чувствуется сердечность, глубина».

Но стоит ли говорить, что комиссия комиссией, а решающим было слово Сталина.

Вот уже много лет я пытаюсь найти дедовский текст. Тщетно! Чтобы ни у кого не возникло тайных сомнений в правильности высокого выбора, все проигравшие работы были уничтожены. И хорошо, что только работы!

Конкурс объявили в разгар войны – в 1943 году. До этого функцию гимна исполнял «Интернационал». Новый утвердили и обнародовали в ночь на 1 января 44-го. Дедушка умер в холодной, но уже согреваемой реальной надеждой на победу Москве три недели спустя, всего семь дней не дожив до своего 35-летия. Умер на руках Хренникова, с которым были написаны все песни для снятых по сценариям Гусева кинофильмов «Свинарка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны».

Тогда, зимой 44-го, как первая ласточка неминуемо приближающейся мирной жизни, в Доме актера вновь открылось кафе, гордо назвавшее себя рестораном. Придя туда 23 января, они успели только снять пальто и сделать заказ. Виктор уронил голову на руки. Обширное кровоизлияние в мозг. А ведь сразу после Нового года было то же самое – в глаз. Врачи сказали предельно строго: по ночам – спать, меньше работать. Но куда там!

Говорят, современная медицина спасла бы...

У дедушки, страдавшего тяжелой формой гипертонии, с детства были сильнейшие головные боли. На фронт его не пустили, и, отправив жену с двумя маленькими детьми в эвакуацию в Ташкент, он с утра до ночи, по 20 часов в сутки, семь дней в неделю работал в Радиокomiteте. Первый эфир из Москвы был уже 23 июня 1941 года: «Слушай, фронт!»

Потом появилась и стала ежедневной программа «Говорит Западный фронт». Виктор готовил передачи, а в минуты отдыха писал стихи:

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве...

Это из «Свинарки и пастуха». Фильм, который до сих пор часто появляется на экранах телевизоров, начали снимать в Кабардино-Балкарии весной 1941-го, то есть еще в мирное для нас время. В июне, естественно, все остановилось. Режиссер Иван Пырьев записался добровольцем на фронт. Съёмочную группу вернули в Москву, но вскоре последовало высокое указание: продолжать работу над картиной. Драматичный, а в то же время веселый и очень оптимистичный фильм должен был явиться символом уверенности в победе и спокойной силы русского народа. Главным действующим лицом стала... Выставка достижений народного хозяйства, где встретились два главных героя картины. Съёмки на ВСХВ (тогда она носила такое название) прерывались авианалетами. Доделывали фильм в Алма-Ате. К уже процитированным раньше мирным стихам о любви, начинавшимся оптимистично: «Хорошо на московском просторе!» – в главной песне было добавлено:

И когда наши танки помчатся,
Мы с тобою пойдем воевать.
Для того ль мы нашли свое счастье,
Чтоб врагу его дать растоптать?

Каждый раз, когда я видел в театре или на экране исполнителя одной из главных ролей Владимира Зельдина, ловил себя на мысли, что такого просто не может быть. Поскольку невозможно победить время. Шутка ли сказать: он лично знал моего деда, общался с ним. И, как рассказывал сам Владимир Михайлович, именно Гусев посоветовал Пырьеву взять его на роль дагестанского пастуха Мусаиба. 26-летний актер был уже определен в танковую школу, но продолжение съемок означало для него «белый билет».

«Это спасло меня от армии и, возможно, от смерти» – звучит немного, как сказали бы сейчас, неполиткорректно. Но к словам старейшего на тот момент действующего актера планеты, говорившего это в столетнем возрасте, мне кажется, можно не придирааться. Легендарный актер ушел от нас осенью 2016-го, когда ему был сто один год.

Зельдин оказался единственным некавказцем из претендовавших на роль кавказца. Думаю, слово моего дедушки могло и не стать решающим, если бы не присутствовавшие на кастинге женщины из съёмочной группы. Их никто не спрашивал, но спонтанная реакция дам не могла не повлиять на равнодушного к прекрасному полу режиссера. Так знойный красавец из прозаического города Козлов Тамбовской губернии получил роль, которая на всю жизнь сделала его звездой.

Но не лауреатом Сталинской премии, доставшейся и исполнительнице второй главной роли Марине Ладыниной, и главному оператору Валентину Павлову, и Пырьеву, и Гусеву с Хренниковым. Говорят, кто-то наверху сказал, мол, Зельдину и так достаточно: в горах парня разыскали, в Москву привезли...

Какой армии – герои?

До премьеры еще одного своего фильма и до самих «шести часов вечера после войны» мой дедушка не дожил. Удивительным образом предсказанный Гусевым победный салют гремел над столицей, когда его прах уже покоился на Новодевичьем.

Хрестоматийную финальную сцену встречи на Каменном мосту разлученных войной влюбленных, которых сыграли снова Марина Ладынина и Евгений Самойлов, разбирают в голливудских учебниках кино. И до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно замысла автора: это было реальное свидание, или оно так и не состоялось, существуя лишь в мыслях двух героев картины?

Гусев имел в виду второй вариант. Варя случайно всего на несколько секунд встречает своего возлюбленного на полустанке, вновь провожает его на фронт и тут же погибает под бомбами «люфтваффе». А встреча в Москве на фоне салюта и кремлевских стен – это ее несбывшаяся мечта. Потрясающая сюжетная находка, если хотите, новое слово в драматургии.

Но Пырьев снимал фильм в 44-м и не мог лишиться зрителей счастливого финала. Ведь вся страна жила надеждой далеко не только в кинематографическом смысле. Поэтому режиссер, сохранив долю неопределенности, все же облачил концовку в реалистичные, оптимистичные тона. И я уверен, сделал правильно, даже пожертвовав более высокой творческой эстетикой.

Фильм и вышел на экраны, когда еще гремели бои. За полгода до Девятого мая его посмотрели 26 миллионов человек. А Ладынина вспоминала письмо одного солдата: «Теперь и помереть можно, все-таки увидел конец войны...»

Как и в «Свинарке», персонажи фильма «В шесть часов вечера после войны» разговаривают стихами, но настолько умело вплетенными в обычные диалоги и монологи, что звучит это удивительно естественно, а зарифмованность только добавляет их речи легкости и лиричности.

Этот фильм – тоже по-прежнему на экранах. Звучат и его песни. А вокруг одной из них – «Песни артиллеристов», призывавшей: «Из тысяч грозных батарей – за слезы наших матерей, за нашу Родину – огонь! Огонь!» – развернулась настоящая идеологическая война. Строчку «Артиллеристы, Сталин дал приказ» – после осуждения культа личности XX съездом КПСС – решено было поменять. И началось: «Артиллеристы, партии приказ», и «Артиллеристы, точный дан приказ», и уже позже – снова «Сталин дал приказ». Какие только варианты не звучат сегодня у разных исполнителей! А то, что автор назвал «песней», помимо его воли превратилось в «марш» и даже «гимн».

Кстати, недавно услышал что-то новенькое в тексте легендарной «Полюшко-поле». Эту песню, которую многие считают народной, на самом деле тоже сочинил Гусев. На этот раз вместе с композитором Львом Книппером, судьба которого достойна отдельной книги. Племянник жены Чехова, 19-летний солдат армии Корнилова, георгиевский кавалер, вместе с остатками войск Врангеля оказался за границей. Вернувшись домой в 1922 году, был завербован НКВД, стал разведчиком, а при этом... композитором и альпинистом.

По невероятному стечению обстоятельств горы свели его и с младшим братом Виктора Гусева. Александр Михайлович Гусев, ученый-метеоролог, полярник, профессор МГУ, заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, в январе 1934 года принял участие в первом зимнем восхождении на Эльбрус. А зимой 1943-го отряд капитана Гусева, выбив с этой вершины гитлеровцев, водрузил там красный флаг. К моему счастью, я еще мальчишкой застал «дядю Шуру» живым и здоровым, с его шутками, военными рассказами и бесплодными попытками поставить меня на водные лыжи. Много лет спустя, попав, словно по сле-

дам Александра Михайловича, в спасательную антарктическую экспедицию, я в очередной раз поразился превратностям судьбы и феноменальным совпадениям в нашей жизни.

Кстати, дядя Шура мне о Льве Константиновиче многое и рассказал. О том, как разведчик Книппер в 41-м году возглавил специальную группу смертников, которая должна была уничтожить Гитлера и его высшее окружение в случае взятия Москвы врагом и появления в городе фюрера. Подпольщику предписывалось, изображая симпатию к фашистам, выдвигаться на пост бургомистра. В стене его квартиры на Гоголевском бульваре был организован тайный склад взрывчатки, оружия и боеприпасов...

Бог мой, какие люди! Какие судьбы!

И словно по ходу дела, «в свободное от работы время» – 20 симфоний и более 500 различных музыкальных произведений. Включая «Полюшко-поле».

Так вот, в песне, официальное название которой «Степная кавалерийская», слова: «Едут по полю герои, это Красной армии герои» – в XXI веке вдруг оказались замененными на: «Едут по полю герои, нашего прошлого герои». А в другом варианте – «...русской армии герои». Мне очень интересно, кто и зачем все это в наше время корректирует? Причем даже не спросив у наследников авторских прав.

Помню, когда в дни моей институтской стажировки в Университете штата Нью-Йорк в городе Олбани профессор Уилки, преподававший у нас «Риторику и общение», узнал, что слова «Полюшка» сочинил мой дед, сначала никак не мог поверить, а потом – успокоиться. Уже немолодой ученый, с волосами до плеч, приходивший на занятия в кожаной жилетке и потрепанных джинсах, из кармана в карман которых была перекинута толстая серебряная цепь, хватался за голову, восклицая на всю аудиторию: «Ведь ее же исполняет моя любимая группа «Jefferson Airplane»!»

Да, господин Уилки, и не только она. «Полюшко» в разное время также сыграли и спели Paul Robson и Marc Almond, Andre Rieu и Ivan Rebroff, Gamma Ray и Blackmore's Night...

И конечно, множество отечественных: от нашего внуковского соседа Леонида Утесова до «Поющих гитар» и «Песняров», от Хора имени Александрова до Хора Турецкого и питерской рейв-группы «Little Big». Сейчас песня – в репертуаре любимого «Пикника». Даже в двух вариантах. Один – более традиционный. Второй – почти «Led Zeppelin». Вот тут особенно хочется надеяться, что дедушке бы понравилось.

Жаль детей

...В страшный для семьи день 23 января 44-го моего девятилетнего папу принимали в пионеры. Узнав о смерти отца, он застыл с маленьким флажком у географической карты – ведь с самого начала войны они вместе, общаясь по почте и телеграфу, отмечали передвижение наших войск. Сначала – горькое отступление, а потом – вперед, вперед, вперед...

Крошечной Леночке только-только исполнилось два года. Бабушке позвонили: «Нина Петровна, с вами будет говорить товарищ Сталин». Через несколько секунд в трубке раздался до боли известный всем голос. И всего два слова: «Жаль детей».

Памятник вождю народов простоял в соседнем скверике перед Третьяковской галереей до 1958 года. Специально проверил это в справочнике, так как некоторое время думал: ну не могу я, родившийся в 55-м, то есть два года спустя после смерти Сталина, помнить эту скульптуру на фоне фасада. Оказывается, перенесли ее на задворки музея только в 58-м. И то, что, выйдя в одно прекрасное утро на улицу в составе детской прогулочной группы в родной Лаврушинский переулок, я увидел на месте привычного монумента клумбу – не сон и не фантазия. Бывает, спрашивают: какое самое раннее детское воспоминание. Наверно, вот это.

Первое опубликованное стихотворение Виктора Гусева – в 18 лет. Потом – две важные премии, другие награды, популярнейшие фильмы, известность поэта, драматурга и сценариста. Правильно ли будет сказать, что все это – горькая компенсация за уж слишком короткую жизнь? За невозможность хотя бы немножко, одним глазком заглянуть в будущее сына, которому в 38-м, когда появилось это стихотворение, было всего лишь четыре года...

Как много нового явилось у него.
Взгляни, – он стал немного выше ростом.
Какой-то новый блеск в глазах его возник.
Он спрашивает вечером о звездах,
Чтоб утром самому рассказывать о них...
...И знаешь, иногда мне делается страшно,
Захватывает дух такая скорость дней.
Ведь наша жизнь становится вчерашней
По мере роста наших сыновей.
Он старше стал – и радость, и волнение!
Я старше стал – уж не пора ль грустить?
У слова «жизнь» есть разные значенья,
Мне иногда их трудно примирить.
Жизнь, жизнь идет. Она всегда упряма.
Не подчиниться ей нельзя, – старей!
А рост детей – ведь это диаграмма
Движенья к старости отцов и матерей.
Но почему ж мне весело бывает
И радость появляется сама,
Когда меня манит и увлекает
Блеск пробудившегося в мальчике ума?
Но почему мне дороги и милы
Все новые слова, что он сказал?
Но почему растущий отблеск мира
Я вижу с гордостью в его глазах?
И как мне было б тягостно и душно,
Когда бы этот рост замедлился живой,
Когда б навек остался он игрушкой,
Когда б движения покинули его.
Нет, трижды нет! Расти, расти, приятель!
Весь мир узнай, расширь его, раскрой.
Мне потому шаг первый твой приятен,
Что вслед за ним последует второй.
Мне не забыть ручонки милой сына,
Но дню грядущему я радуюсь тому,
Когда я руку друга и мужчины,
Большую, мужественную, – пожму,
Когда мы с ним пойдем по внуковским
проселкам
Гулять среди осеннего огня,
Когда я буду молодым постольку,
Поскольку молодость зависит от меня.

Это было написано в ничтожные по меркам человеческой жизни 29 лет.

В вышедшем по пьесе Гусева в 1961 году фильме «Иван Рыбаков» главный герой, умирая, устами актера Бориса Бабочкина, больше всего известного по роли Чапаева, говорит: «Сыну смерть отца перенести легче, чем отцу – смерть сына».

Последней фразой самого Виктора Михайловича, обращенной к жене, было: «Береги детей!»

Расти, Уткин

Но и в отмеренные 34 года жизни Гусеву не раз приходилось несладко.

Племянник Митя, сын моей младшей сестренки Машеньки, которая тоже ушла от нас бесконечно рано, для своей дипломной работы раскопал интереснейшие вещи, включая, например, сведения о взаимоотношениях Гусева с Владимиром Маяковским.

Великий поэт со всей своей известной мощью обрушился на начинающего, когда в 1929 году в первом сборнике гусевских стихов «Поход вещей» прочел стихотворение о взятии Зимнего дворца: «Последний фонарь застрелил броневик, шатаясь из Смольного в Зимний...»

На конференции Московской ассоциации пролетарских писателей Маяковский восклицал: «Вы только послушайте! Броневик воспринимается им как бегущее существо, которому безразлично, куда слоняться!»

Крайне не понравилось Владимиру Владимировичу и стихотворение Гусева о деде-алкоголике. «Эта поэзия идет не по линии создания новой, пролетарской, а по линии декаданса, старой упаднической поэзии. Вот, скажем: «Мой дед? – Не знали вы его? – Он был не здешних мест. – Теперь за тихой травой стоит горбатый крест». Это такой грошовый романтизм, давно выкинутый из арсенала революционной поэзии, что смешно им орудовать».

Дедушка тяжело переживал реакцию мэтра и, кстати, своего кумира. Впрочем, Виктор не озлобился и даже сделал правильный вывод. Ведь первые стихи были написаны, что называется, «на диване» – начитанным, влюбленным в книги и поэтическое слово, но лишенным какого бы то ни было жизненного опыта мальчишкой. Гусев начал ездить по стране, набирая впечатлений и сюжетных тем.

Я был в Самарканде.
Я Волгу видел.
Я по небу мчался среди жутких стихий.
Работал в газетах полков и дивизий.
На канонерках читал стихи.
Я в краснофлотском играл джаз-банде.
Я в шахты спускался, взлетал вверх...

Сменивший гнев на милость Маяковский с улыбкой скажет на одной поэтической вечеринке: «Расти, Уткин – Гусевым станешь!» По страшному совпадению прекрасного поэта Иосифа Уткина тоже не стало в 44-м. Осенью он погиб в авиакатастрофе недалеко от Москвы. Оба поэта похоронены на Новодевичьем кладбище.

...А во внуковском поселке, где живет моя семья, улица Гусева – совсем рядом с улицей Маяковского. Они не пересекаются. Но соседствуют.

Синявский – Гусев: парный репортаж

Дед (хотя странно так называть человека, которому в тот момент было слегка за 20) не только «поднялся с дивана», оторвавшись от любимых книг, но и стал, если можно так сказать, поэтическим журналистом. Некоторые его стихи даже заменяли передовицы в «Правде», появляясь на первой полосе газеты уже на следующий день после события. Ну, например, о том, как, забирая больного ребенка из горного аула, вертолетчик поднялся на небывалую высоту. Или как мужественные полярники сумели победить казавшиеся непроходимыми льды. А еще: испанские дети в Артеке, бои на озере Хасан, полеты Чкалова...

Как-то сразу приходит в голову пресловутое эстрадное: утром – в газете, вечером – в куплете. Но здесь все было не так: утром – и в газете, и в куплете.

Сейчас частенько думаю о том, что все это, включая еще и большую переводческую работу Виктора Михайловича, который представил русскому читателю творчество множества поэтов – от Белоруссии до Туркмении, каким-то совершенно загадочным образом преломилось и в моей биографии. Не говоря уже о комментаторской карьере деда.

На протяжении многих лет он вместе с коллегами, среди которых был и знаменитый писатель Лев Кассиль, и легендарный спортивный комментатор Вадим Синявский, вел репортажи с парадов на Красной площади. В том числе 7 ноября 1941 года, когда враг был под Москвой, фашистские самолеты по нескольку раз в день совершали налеты на столицу, а наши солдаты, пройдя маршем мимо Мавзолея, отправлялись на фронт.

В качестве корреспондента уже упомянутой программы «Говорит Западный фронт» майор Синявский работал в местах главных сражений. А в 42-м, попав в осажденный врагом город в Крыму, успел сказать в эфир только одну фразу: «Говорит Севастополь» – и тут же был серьезно ранен осколками разорвавшейся рядом мины. Только когда наши артиллеристы подавили немецкую батарею, его смогли вынести в безопасное место. Именно тогда Вадим Святославович потерял левый глаз.

В многочисленных интервью о моей семье я ни разу еще не рассказывал об этом удивительном сотрудничестве в радиоэфире. Нет, не берег для книжки. Просто раскопал знаменательную для меня историю только сейчас, в процессе работы. Мой отец, боготворивший Синявского после его репортажей о легендарном британском послевоенном турне московского «Динамо», много рассказывал мне о великом комментаторе. Папе в 1945-м было 11 лет, и, припав ухом к радиоприемнику, он навсегда заразился футболом. Но в 42-м или 43-м рассказ маленькому Мишке о сотрудничестве с еще неизвестным ему, да и не только ему, Вадимом Святославовичем просто не имел бы смысла. А потом Виктора Михайловича не стало.

Получается, что папа даже на уровне предположения не мог связать между собой две знаковые для него фигуры. Иначе я с детства знал бы о невероятном факте парного репортажа: Синявский – Гусев.

Не так давно я попал в ту самую, как принято говорить, импровизированную комментаторскую кабину в здании ГУМа. Сейчас там офис моего давнего знакомого главы компании BOSCO Михаила Куснировича.

Но если спросите о чем-то главном для меня в творчестве деда, то на ум приходит не журналистское, не переводческое и даже не комментаторское. А совсем личное, обращенное к самому близкому человеку:

А если тень меж нами проходила
Иль недоверья стлался серый дым, –
Как плакал я и как мне трудно было

Опять себя почувствовать живым.
Но жизнь росла, цвела улыбкой сына,
Из нас троих – она была права.
Но жизнь сама для нас произносила
Для примиренья нужные слова.

Красавица-учительница Нина Петровна Степанова осталась одна с двумя маленькими детьми на руках. В каждую минуту их такой короткой супружеской жизни она была рядом. И даже в дни разлуки. 15 марта 1942 года он писал любимой из Москвы в Ташкент:

Напиши письмецо скорее,
Я прошу тебя, милый друг.
Что поделаешь? Наше время –
Это время не встреч, а разлук.
Потому-то я так упрямо
В этот поздний московский час
Двадцать слов твоей телеграммы
Перечитываю двадцать раз.

Миллион жуков

Возможно, из-за этого заголовка мой папа, всю жизнь писавший стихи, прочитавший, как мне казалось, все книги на свете, а также обожавший спорт и спортивную журналистику, в итоге не избрал соответствующую профессию.

После окончания школы перед обладателем золотой медали были открыты все двери. Конечно, будь жив отец, он бы наставил маленького Мишу на литературный путь. А так – за компанию с друзьями – вперед, на биологический факультет МГУ. Именно там, у памятника Ломоносову, познакомились они – мои будущие мама и папа. Благодаря чему вскоре появился и первый на курсе ребенок. При выборе имени для которого вариантов не было.

Мама, закончив биофак, пришла на работу в Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН. Где на базе Института нейрохирургии имени Бурденко и работает по сей день. Уже в течение 60 лет! Доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, Галина Николаевна Болдырева записывает и расшифровывает биотоки мозга для выявления опухоли или другого заболевания. Мама – активно живущий человек: прополка дачного участка, все новые и новые цветы и клумбы, с недавних пор – скандинавская ходьба. И конечно же, регулярный бассейн. Ну а как, скажите, может отказаться от занятий плаванием чемпионка МГУ, однажды принеся своему курсу победу на водной глади в очной дуэли с таким серьезным соперником!

Каким? Вы прекрасно знаете Владимира Познера. Правда, тогдашний студент биофака и будущий телеведущий после финиша утверждал, что река в районе университетской базы в Звенигороде, где биологи проходили практику, была очень мелкой и он задевал коленками за дно. Замечу, что мама, возможно, превзойдя в выборе тактики одного из самых мудрых людей на нынешнем ТВ, плыла на спине...

Папа посвятил свою жизнь биофаку, воспитал сотни студентов и проработал деканом родного факультета более 30 лет. Профессор Гусев был видным микробиологом и экологом, членом комиссии ЮНЕСКО. Иногда я достаю из письменного стола его статью о правильном, с точки зрения взаимоотношений человека с природой, устройстве мира, по сути дела,

ставшую научным завещанием. И поражаюсь тому, как активно повсюду заговорили на эту тему. Сейчас. А ведь папы нет с нами уже второй десяток лет.

Остались его коллекция марок, подшивки любимого еженедельника «Футбол», тематические вырезки из «Советского спорта» и «Спорт-экспресса». Есть книги, книги и еще раз – книги.

И есть 13-летний мальчишка. Внук, которого он, к счастью, успел застать в этой жизни. Пусть совсем ненадолго – чуть больше года... Его тоже зовут Мишей.

Ученый Михаил Гусев на протяжении всей жизни оставался гуманитарием. Говорит об этом даже стиль его научных работ. А сразу после окончания университета папа предпринял попытку вырваться из стеклянного королевства пробирок и колб, отправившись на радио. В качестве первого испытания потенциальному сотруднику весьма заботливо дали задание на знакомую для него тему: очерк о человеке, собравшем уникальную коллекцию жуков.

Через несколько часов небольшой материал под одновременно служившим анонсом заголовком «Тысяча жуков в коллекции ученого» лег на стол редактора, а Михаил пошел в буфет, чтобы перед озвучкой прочистить горло горячим чаем. Вернувшись, он нашел на столе свою работу с визой «в эфир» и даже каким-то лаконичным, но приятным комментарием.

Редактором были внесены всего две правки. Обе – в заголовок. Теперь он выглядел так: «Миллион жуков в коллекции советского ученого!»

Однажды я спросил папу, почему же его карьера репортера так и не была продолжена? «Знаешь, что-то сразу расхотелось», – улыбнулся отец. В мире бактерий и водорослей приспособиваться не требовалось.

От Африки до Антарктиды – самые суровые жизненные испытания в моей голове превращались в захватывающие жюль-верновские приключения. Потому что обо всем этом он мне уже когда-то читал. А там – всегда невероятно интересно и просто не бывает плохого конца.

Книги про мужественных и благородных. И то самое стихотворение Евгения Евтушенко, строчки из которого – со мной на всю жизнь:

И если сотня, воя оголтело,
кого-то бьет, – пусть даже и за дело! –
сто первым я не буду никогда!

А мама поет мою любимую колыбельную: «Ему приснилось, что он моряк...» Это – навсегда. В какой стороне я ни буду...

Последний ответ Прусту

Кстати, о Познере. Все забываю сказать Владимиру Владимировичу одну вещь. На съемках и просто при встречах в коридорах Останкино возникают другие темы, а об этой вспоминаю лишь когда в очередной раз сажусь смотреть программу «Познер». Где последним из «вопросов Марселя Пруста» почти всегда бывает: «Что вы скажете Богу при встрече?»

Ответы звучат разные. И о раскаянии, и об отрицании по разным причинам самой возможности такой встречи, и, чаще всего, о благодарности...

А меня продолжает удивлять, почему же ни один из собеседников не дал столь очевидный ответ.

Вот он: «А где здесь у тебя все мои? Где папа, где сестренка? Где бабушки с дедушками – ведь я думаю о них каждый день! Проведи меня к ним, дай обнять».

Неужели этого хочу только я?

Ведь про раскаяние и благодарность, согласитесь, можно и после...

Глава вторая Волосы и портвейн

*Пьющие школьники учатся хуже, чем непьющие.
С советского агитационного плаката 1930 года*

Розги по-советски

В моей школе пороли детей. В год первого полета человека в космос.

Точнее, пороли не всех. А если совсем точно, то одного. Нет, не меня. Остроухова. При этом со значительной долей пафоса водружая его на учительский стол. Наказывали ремнем, но, уверен, не больно. Во-первых, серых, мышинного цвета (а иногда, казалось, и происхождения), штанов не снимали: как-никак время раздельного обучения было уже позади, и в классе имелись девочки. Во-вторых, на лице нашего одноклассника никогда не было слез, а вот зазорные гримасы присутствовали. Ну и, в-третьих, – банальное: если бы Остроухову было действительно больно, то он вряд ли продолжил бы совершать свои хулиганские поступки. Или, во всяком случае, не делал бы этого с таким приводящим в бешенство учителей упорством.

Поводом для одной порки невольно стал я. Дело в том, что я попал в эту «простую» школу исключительно из-за своего знака Зодиака. По тогдашним правилам спецшкол ребенку должно было исполниться 7 лет строго до 1 сентября. Поэтому мне, родившемуся 27 октября Скорпиону, путь в заветную «с преподаванием ряда предметов на английском языке» был заказан. Родители решили однозначно: год терять нельзя, а в «английскую» можно будет перескочить и следующей осенью.

Так доморощенный Витюша из «писательского дома» в Лаврушинском переулке, бегло читавший с пяти лет, оказался в одном классе с ребятами из подвалов и коммуналок Замоскворечья. Больше всех моему появлению обрадовалась замотанная жизнью учительница. Как минимум три раза в неделю мне выдавалась книга. Читай! Вслух! Сама же классная садилась за парту в уголке и проверяла тетради старших классов, при этом периодически засыпая. В комнате ее коммунальной квартиры с двумя маленькими детьми на руках возможности для нормального сна были ограничены.

Вот и в тот день, стерев с учительского стола воображаемую кровь Остроухова, я устроился на учительском же стуле и взялся за Марка нашего Твена. И, дойдя до хулиганистого беспризорника-бродяги Гекльберри Финна, невольно, без какой-либо задней мысли поднял глаза на него.

За словом мой опальный одноклассник в карман не лез никогда: «Пошел на х..... чтец!» Класс замер от ужаса. Но его руководительница лишь сладко всхрапнула над домашним заданием.

Впрочем, как это обычно бывает, нашлись те, кто доложил. Ведь октябрята всегда стояли за правду (тут, кстати, мне очень интересна лексика доноса). И весьма символическое, к счастью, наказание вновь настигло «несчастливого».

В спецшколу меня перевели в середине второго класса. Там читали уже все, а многие даже по-английски. Для бывшего отличника наступили очень непростые времена. Довольно скоро из уст завуча в адрес моей мамы прозвучал почти приговор: «У нас особая школа. Мы готовим будущих переводчиков, журналистов, вообще публичных людей, умеющих

общаться. Возможно, даже с большой аудиторией. У вашего сына этих качеств нет. Вам лучше выбрать что-то попроще».

Часто вспоминаю эту фразу и радуюсь, что в итоге все как-то более или менее обошлось.

Ну, за синекдоху!

Моя новая школа, навсегда оставшаяся родной и любимой, конечно же, не была лишена заморочек своего времени.

«Ты, что, волосы будешь до ж... растить?» – ласково обратился ко мне директор на торжественной линейке, посвященной возвращению учеников после летних каникул.

И как-то сразу стало ясно, что три прекрасных беззаботных месяца, посвященных футболу, «битлам», «битлам» и еще раз «битлам», уступили место... Чему? Ну, хотя бы необходимости каждый день созерцать монументальное панно, появившееся на школьной стене за время нашего отсутствия. Там был изображен сам директор в позе не Леннона, а Ленина, указывающего молодежи правильный путь во взрослую жизнь.

Глава нашего учебного заведения на плакате в гордой позе стоял, а вот в реальной жизни сел. Причем, по непроверенным данным, за нездоровый интерес к юным пионерам. Поэтому картина, до того как ее заштукатурили, успела приобрести особый смысл.

Впрочем, настоящим лицом школы, к счастью, были совсем другие люди. Великий преподаватель русского языка и литературы Давид Яковлевич Райхин с его классическим обращением к нам: «Отроки и отроковицы». Фронтвик, интеллектуал, понимавший всю убогость, ограниченность и зацензурированность программы, пытался донести до нас хоть что-то свежее. И ко всему прочему, давал советы, выходящие за пределы обязательного и предусмотренного. Например, одалживая ручку забывчивому ученику, наставлял: «Вообще-то свою ручку никому никогда не давайте. Так же, как свою зубную щетку и свою жену». В силу возраста мы не совсем понимали последнюю часть мудрой фразы. Но тем не менее чувствовали, что произносится нечто жизненно важное, ценили и любили за это своего преподавателя. А подкорка записывала. И, когда пришло время, главное всплыло. Во всяком случае, мне так кажется.

Я до сих пор не понимаю, как «Евгения Онегина» можно проходить в восьмом классе?! Точнее, понимаю, но только если делать это под особым углом. А конкретно – если тема сочинения по пушкинскому роману в стихах звучит так: «Угнетение крестьянства в царской России». Пять-шесть требуемых страниц предлагалось выстраивать вокруг всего лишь восьми строк из бессмертного произведения, словно специально на радость советской школе вставленных в свое творение Александром Сергеевичем:

...В саду служанки на грядках
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели!
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)...

Я отдаю должное изобретательности школьников того времени... Накрутить целое обличительное сочинение на тему в общем-то неведомого тебе и по большому счету не сде-

лавшего тебе ничего плохого политического режима, пользуясь при этом всего одной цитатой! Сегодня я бы это точно не осилил!

Райхин мог взять и устроить в классе спонтанную викторину – предвестницу, если хотите, телевизионного «Миллионера» или «Что? Где? Когда?». Например: «Пять тому, кто приведет пример синекдохи!»

И я уже тяну руку, потому что это-то я знаю! На литературе, русском, истории мы с моим другом на все времена Серегой Ужви – на первой парте! Это на математиках с физиками прячемся за спинами одноклассников. А в гуманитарных мы короли!

– «Все флаги в гости будут к нам», Давид Яковлевич!

– Садись, отрок, пять! Как обещал.

Отлично! Вот и обмоем. Прямо сейчас. На перемене.

Секундочку! В каком смысле?

Полную правду – так полную, а иначе зачем все эти рассказы? Ну а мой сын – школьник, надеюсь, поймет. И все же обратит больше внимания на синекдоху.

Да, на переменах мы выпивали. Класса с восьмого. Ученики элитной замоскворецкой школы между английским и черчением юрким ручейком спускались на набережную. А там – еще вниз, на пресловутые три ступеньки. К автоматам. Нет, дорогой читатель XXI века, не к игровым.

Автоматы выдавали портвейн. Ну, или то, что тогда называлось этим именем. Много лет спустя, попав в Португалию, я понял, что на самом деле портвейн – это... Стоп! Сейчас речь о другом.

Темная, непрозрачная жидкость была сладкой. Наверно, этот фактор все и решал. Вряд ли мы, еще в общем-то дети, со всеми особенностями вкусовых пупырышек наших языков стали бы пить водку. Да и кислое сухое вино не могло оказаться таким магнитом. А вот портвейн, напоминавший забытый на солнце компот из сухофруктов, – это то, что надо!

Сделать все необходимо было «технично» – одно из любимых определений моего второго закадычного друга Андрюхи Гладкова, внука автора романа «Цемент» Федора Гладкова и соседа по песочнице.

Опущенная в разъем 20-копеечная монета давала тебе примерно две третьих стакана. Чтобы с помощью следующего двугривенного граненая емкость заполнилась до краев без даже минимального пере- или недолива, нужно было отпить так, чтобы места для второй порции освободилось достаточно – не больше и не меньше. Сказано же: «технично»!

Пили быстро. Без тостов. Школьная перемена всего на три минуты длиннее перерыва в футбольном матче. И – назад, за парты.

На родительском собрании наш математик Лев Давыдович Кобзон, кстати, родной брат Иосифа Давыдовича, недоуменно говорил собравшимся мамам и папам: «Думаю, ребятам надо поменьше играть в футбол на переменах. Да, это, конечно, хорошо, что они возвращаются в класс такими розовощекими, но уж слишком возбужденными».

До Райхина русский язык и литературу нам преподавали прекрасные женщины, похожие на музейных смотрительниц. Хорошо помню, как Антонина Ивановна Мухина настаивала на слове «раздевальня» вместо «раздевалка».

Как же я благодарен им за муштру! «В своей автобиографии Максим Горький...» – «Садись, двойка! Горький чужих автобиографий не писал!»

Вслед за моими школьными преподавателями профессора Института иностранных языков говорили: английский с французским подождут, мы сначала научим вас русскому – остальное приложится. Сегодня я не хвастаюсь какими-то особыми талантами: что-то в журналистской профессии умею, что-то – нет. Но точно знаю, что у корректоров, правящих этот текст, особых проблем не возникает.

Восстание «машин»

Возвращаясь к волосам. Тем самым, которые (все-таки директор школы немного преувеличивал их длину) лишь ниспадали на плечи. Мы-то ладно, но как вдруг взять и постричься тем, для кого мощная растительность на голове – часть сценического образа? Например, «Машине времени»? Да-да, легендарная группа Андрея Макаревича родилась именно в нашей «гимназии»!

Тогда они, наши старшекласники, назывались «машинами» – во множественном числе. И «Time Machines». Просто при живых «The Beatles» название группы не могло быть в единственном. И не на английском. Тем более что тот репертуар команды Макаревича состоял еще не из собственных песен.

«Машины» всю игру на наших вечерах, что вызывало дикую зависть соседних школ. Ну и, конечно, имели соответствующие прически, пока костлявая рука директора (а он и на самом деле был худ) не добралась и до музыкантов.

Как сейчас помню их триумфальный проход по школьному коридору, наше благовоинное молчание и растерянность супостата. Да, «машины» постриглись. Но по призыву своего лидера – наголо! И не придерешься. Все, как было велено: нет волос! Но отправить стричься можно, а вот назад к бритому черепу волосы уже не приклеишь.

Замечу, что довольно скоро в группе не осталось ни одного из школьных товарищей Андрея. Но жесткие решения диктовала логика развития «Машины». Она становилась профессиональной группой, требующей музыкантов соответствующего уровня.

Много лет спустя мы с Макаревичем несли олимпийский факел по улицам Генуи. Это была часть эстафеты, конечным пунктом которой стал стадион в Турине, где состоялось открытие зимних Игр 2006 года. В нашу славную команду тогда вошли также Ирина Роднина, актер Александр Лазарев-младший, фигуристы Ирина Лобачева и Илья Авербух, журналист Дмитрий Губин. Помню, что Андрею достался самый трудный участок. Из всех нас только ему пришлось бежать в гору. Что ж, «Мы в такие шагали дали...».

Завершив забег, наша группа отмечала очень приятное и, думаю, знаковое даже для трехкратной олимпийской чемпионки событие шампанским. Выбрали для этого довольно странное место – гостиничный коридор, куда выходили двери наших номеров. Уселись прямо на полу. А усиливало эффект картины то, что бутылок было не одна и не две. Просто каждый вынес свою из мини-бара. Роднина, Макаревич, Авербух... До сих пор не могу забыть лица семейной пары из России, в этот момент заселявшейся в отель именно на нашем этаже.

...А еще через три года резонансный призыв Макаревича повлиял на мое решение принять предложение Центра защиты прав животных «Вита» отправиться в Архангельскую область на берег Белого моря, лечь там на лед и не пустить охотников к беззащитным детенышам тюленей. Глаза бельков были очень похожи на глаза Мишки, моего тогда трехлетнего сына. Можете себе представить, какое впечатление на меня произвело торжественно предъявленное мне сторонниками жестокого промысла официальное «социально-экономическое соглашение о забое детенышей». Еще и с цифрами «квоты на забой»!

Живой щит, который весной 2008 года вместе со мной образовали Лайма Вайкуле, Алена Свиридова, Александр Ф. Скляр и Артемий Троицкий, сделал свое дело! Из Москвы нас поддержал депутат Госдумы, мой старинный друг, ученый и путешественник Артур Чилингаров. А ответом на нашу акцию отчаяния стал президентский указ, запрещающий истребление несчастных животных.

Когда я окажусь на Божьем суде (если, конечно, туда допускают атеистов) и вслед за историями, требующими покаяния, мне будет предложено рассказать о каком-то хотя бы одном хорошем поступке, я скажу, что защитил бельков.

И, кто знает, возможно, этого хватит...

Глава третья Трудности перевода

*Десять негритят пошли купаться в море,
Десять негритят резвились на просторе.*

Агата Кристи. Десять негритят

Разрядка напряженности

Нас было десять. Счастливчиков из Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза, отобранных для стажировки в США на период лето – осень 1975 года.

Благостное время для советско-американских отношений. Побывав на экскурсии в Вашингтоне, мы, запредельно привирая, рассказывали своим новым заокеанским друзьям о том, что плавали в бассейне Белого дома вместе с президентом Фордом. И они искренне верили. А потом нас повезли в элитную военную академию США в Уэст-Пойнте. И – вот это уже правда – мы ходим по комнатам общежития (язык не поворачивается назвать его казармой), где располагались курсанты со специализацией (внимание!) русский язык. Прекрасные ребята, говорящие с московским, а если родина прикажет, то и с рязанским акцентом не хуже нас с вами. Хм, интересно, где-то они сейчас? Куда забросила их, скажем так, судьба?

А потом в какой-то из свободных дней трое из нас оказались там, куда по ходу строительства, видимо, не допустили установщиков тротуарной плитки. И поэтому мы шагали из нашего университетского кампуса в торговый центр прямо по трассе... По-советски гордо отказали пяти остановившимся машинам, думая, что придется платить. Нашу извечную дилемму понял только шестой водитель: «Садитесь, отвезу, куда надо, без денег – во имя разрядки».

Современный читатель может не понять, что речь шла о разрядке международной напряженности. Ну, появился тогда ненадолго такой, как сказали бы сейчас, «хэштэг».

Скажу сразу, все мы были студентами, а не студентками, что неудивительно, ведь девочек на переводческом факультете традиционно почти не наблюдалось. Аргумент: толмач – не женская профессия. Она, во-первых, трудна физически, а во-вторых, связана с поездками за границу, где именно девчонки, конечно же, склонны по уши влюбляться. И тогда, наплевав на перспективы грядущего через 20–30 лет общества коммунистического благоденствия и русские березки... Короче, понятно.

На следующий год вредные американцы ответили отправкой по обмену в Москву группы из девяти дам с одним парнем в роли этакого пастуха. Впрочем, и он, честно говоря, был больше похож на пастушку.

Но пока – год 1975-й. Август. «Аэрофлот» с тогда еще разрешенным курением и обилием спиртного несет нас в Нью-Йорк, чтобы из главного города Америки мы отправились уже к месту окончательного назначения – Олбани. Размышляя об исторической несуразности того, что такой мегаполис, как Нью-Йорк, не является не только столицей всей страны, но и своего собственного штата, где главный – как раз город нашего грядущего университетского пребывания, я получаю записку с заднего ряда: «Привет от Василия Петровича. Передай дальше».

Чтобы, как говорят американцы, сделать длинную историю короткой, скажу, что автором текста был один из нас, накануне отлета приглашенный в организацию, координировавшую подобные поездки. Как, впрочем, и все остальное в жизни страны. Но под грузом поставленных перед ним задач наш добрый друг не понял, что ответственная функция «стучать» возложена исключительно на него, чистосердечно посчитав, что на беседе в самом центре Москвы побывал не только он, но и все члены отправлявшейся в Америку группы. Вот в самолете он и отправил нам этакое приветственное письмо в стиле: «пролетая над территорией Франции, шлю привет...»

Недоуменные взгляды остальных помогли ему быстро осознать собственную ошибку. Впрочем, на наше счастье, назначенный информатором оказался не только наивным, но и порядочным человеком. «Личные дела» нашей славной десятки, до сих пор хранящиеся в институтских архивах, в итоге не пополнились компроматом. Во всяком случае, так мне сказали несколько лет назад на встрече в альма-матер. И даже в знак благодарности за проведенный в качестве конферансье праздничный вечер подарили мое досье. Правда, почему-то без трех страниц. Ну, затерялись, наверно.

«Сладкие подружки»

Университет штата Нью-Йорк встретил нас в крошечной ночи прекрасными улыбками девушек, изучающих русский язык. Но уже их первый вопрос заставил подумать о том, что пресловутый Василий Петрович совсем не напрасно так беспокоился о судьбе своих невольных подопечных.

«Do you know the names of your suitemates?» Вопрос: «Знаете ли вы имена ваших соседей по комнатам?» – более чем безобиден. Но только в написанном виде. А прозвучал он для нас в тот «первый вечер свободы», как: «Известны ли вам имена ваших сладких (sweet) подружек?»

Почему мы не знали столь простое слово «suite», обозначающее всего лишь гостиничный номер, – об этом разговор особый. Но в тот момент в девяти комсомольских и одной партийной головах пронеслось: «Ну, вот, началось!» Правда, если быть до конца честным, пронеслось-то пронеслось, но не очень напугало. А может (эх, Петрович, правду так правду), даже, наоборот.

И тут же, как в довесок, о бритве. Веселая Мишель, дочь американского дипломата, когда-то жившая в Москве, вдруг показала на залепленную пластырем лодыжку: «Вот сегодня брила ноги и порезалась».

Ого, они ноги бреют?! А зачем? Мы, конечно, слышали о всяких там извращениях, но это что-то новенькое... Еще раз напоминаю: 1975 год.

Впрочем, убедительно сказать свое слово мы смогли быстро. Американки достали начатую бутылку «Southern Comfort», предупредив, что это «очень крепко – специально для русских». Мы сказали: «Конечно, девчонки, целых 30 градусов – это сильно!» И ответили пятью бутылками водки. Сразу и безумно расточительно бросив на кон одну четвертую нашего общего запаса.

Что и говорить, мы в 19–20 лет прилетели в совсем другой мир. Да и сам английский язык был у нас другим. Я не собираюсь бросать камень в родной МГПИИЯ, ставший сейчас Лингвистическим университетом. Больше того, вернувшись домой после четырехмесячной стажировки, я понял, что в академическом смысле за это время даже отстал от остававшихся дома друзей по группе. Теория перевода, языкознание, история языка, английская литература – все это преподавалось на очень высоком уровне, в хорошем ритме, по умно составленным программам.

Да и сами американцы отмечали наши глубокие знания и подготовленность по многим аспектам лингвистики. А уж когда речь заходила о политике, тут их челюсти вообще отвисали: поговорить с нами на тему нераспространения стратегических вооружений или все той же разрядки не мог никто из новых заокеанских друзей. Зато в некоторых других областях мы откровенно плавали. Казалось бы так просто: хочу глазунью, а не болтушку. Эх, ну ладно, давайте, что хотите! Ведь детали слишком сложно объяснять. Ну, что делать, не преподавали нам в инязе про яйца.

Чего-то мы не знали просто из-за отсутствия некоторых понятий в той нашей жизни. Готовя в качестве курсовой работы перевод рассказа Джона О'Хары «Деньги», я был вынужден попросить знакомых американцев объяснить мне значение неведомого слова: «рэкет». И в сноске, внизу страницы, вкратце расшифровал смысл этого «уродливого явления в жизни капиталистического общества». В свою очередь, мое сообщение об отсутствии «рэкета» не только в советской жизни, но и в русском языке как таковом вызвало дополнительное уважение американских друзей к далекой стране.

Фразы для любовных признаний давались значительно легче. Когда в этом возникала необходимость, мы прекрасно объяснялись строчками из любимых английских песен. Благо Джон, Пол, Джордж и Ринго спели все главное.

Наша руководительница, почтенная Инна Павловна Крылова (хм, перечитав начало фразы, подумал, что она тогда была значительно моложе меня нынешнего), оказалась далеко не ханжой и прекрасно понимала пыл горячих сердец своих юных подопечных. Да и задача ее заключалась не в том, чтобы нам что-то запрещать, а в том, чтобы это «что-то» в итоге не повлияло на численность группы при возвращении домой. Как у Агаты Кристи: «И вот вам результат – девять негрятят!» Попутно замечу, что в оригинале у знаменитого автора детективов речь шла не о негрятятах, а о «маленьких индейцах».

В представлении Крыловой, у большинства американских студенток, окружавших ее «мальчиков», как она нас называла, была одна цель: склонить к невозвращению на родину. Тем более что, к вящему ужасу Инны Павловны, «герлз» были рядом с нами не только в часы учебы, но и в тревожное время отдыха от занятий.

Под крылом у Крыловой

Крылову заботила и наша безопасность. Так, было сказано решительное «нет» любым рок-концертам. Причем аргумент «там слишком много насилия» стал главным основанием для вето, наложенного не только на посещение в общем-то безобидной группы «The Doobie Brothers», но и двух выступлений совсем уж фольклорных ансамблей. А я бы с удовольствием пошел и на кантри. Просто мне, уже тогда балдевшему от рок-музыки, хотелось – если уж нет Цеппелинов или Флойд – попасть хоть на что-нибудь. Хоть одним глоточком вдохнуть атмосферу места, где мои кумиры в принципе могли бы быть, а может, даже когда-то бывали.

Нынешнему поколению любителей рока, избалованному регулярными приездами в Россию всех и вся, сложно понять это чувство. И все же я не завидую моим юным друзьям: лучшие-то все равно уже не приедут. Просто они со своими гитарами, барабанами, а уже многие – и с жизнями, навсегда остались там же, где наша молодость, мечты и первая любовь.

Единственным просчетом, который за все время допустила наша руководительница, оказалась поездка в Бостон. Альтернативный вариант Баффало она отвергла: «Там только Ниагарский водопад, мальчики, а Бостон – город настоящей американской культуры». И действительно, прибыв в столицу штата Массачусетс, мы сразу отправились на выступление... советского цирка.

Мне, честно говоря, уже давно непонятно, когда, попав за границу, соотечественники начинают искать, скажем, русские рестораны. Зачем? Смысл-то в том, чтобы попробовать как раз не наше, а местное. Понимаю, если ты годы живешь вдали от родины. Но если это недельная поездка!

Русский цирк – еще более вопиющий пример. В условиях всего одного дня в Бостоне! Ну, Инна Павловна и получила то, что «хотела». У входа – люди с плакатами: «Советский клоун смеется, а советский еврей плачет». И корреспонденты с микрофонами наготове. Вот и съездили в город настоящей американской культуры.

Для еженедельных, а также дополнительных, экстренных собраний группы Крылова нашла надежно окруженную кустами площадку на задворках кампуса. Собираться внутри общежития было нельзя, ведь, по словам бдительной руководительницы, комнаты и коридоры американцы, наплевав на разрядку, напичкали подслушивающей аппаратурой.

Уже много лет спустя, снова посетив Олбани, я узнал, что пяточок, где проходили наши летучки, был местом сбора университетских любителей марихуаны. Так вот, оказывается, кто были эти люди, смотревшие на нас, наконец-то вышедших из кустов, такими полными признательности глазами.

А эмоциональные слова Инны Павловны о том, что такую симпатию во взгляде она в последний раз видела у иностранцев двадцать лет назад в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, сразу приобрели дополнительный смысл.

Солженицын в шампуне

Ближе к концу стажировки принимающая сторона сделала нам неожиданное предложение. Дело в том, что летом следующего года Америка должна была отметить 200-летие независимости. Так вот, руководство университета сказала: оставайтесь. Еще на семь месяцев, до четвертого июля 1976-го. Все расходы мы берем на себя.

На широкий жест американцев совершенно непредсказуемым и удивительным для нас образом отреагировала Москва. Пусть ребята решат сами! Иняз дал нам карт-бланш.

Голосование группы закончилось с теннисным счетом 6:4. В пользу того, чтобы не менять сроки и немедленно возвращаться домой. Много лет спустя как минимум два человека признались, что они готовы были продолжить стажировку, но проголосовали иначе, подумав, что демократизм родного института – это на самом деле проверка, ловушка, провокация.

Итак, мы собирались домой. 72 доллара в месяц, которые нам выдавали в течение почти полугода, были тогда приличной суммой. Джинсы по 11 долларов, пластинки по 3–4, кока-кола из автомата по 25 центов за баночку, кстати, тоже входившую тогда в число экзотических сувениров... А еще – в большом количестве книги и подаренные нам американцами толстенные словари. В итоге наши чемоданы набрали неприемлемый для «Аэрофлота» вес.

Ручная кладь, спасай, милая! Помню, один из нас, купивший юной жене искусственную шубу, вложил к ней в кофр еще несколько килограммов печатных изданий и небрежно (мол, так, мелочь в салон) перекинул его через мощное плечо. Уловка едва не закончилась серьезной травмой. Провожавший нас местный профессор решил помочь гостю и перехватил у него «шубу». Не ожидая, что предмет одежды может оказаться столь тяжелым, ученый под грузом родной литературы рухнул на пол прямо перед таможенной.

Наши прозаические проблемы не очень волновали моего близкого друга. Ведь он был занят упаковкой литературы запрещенной. По одному листочку – в специально для этого купленные бутылочки с шампунем.

Маленькая книжечка с протоколом заседания Союза писателей СССР по делу Александра Солженицына была обработана по всем, какими я их себе представляю, законам

контрабанды. Каждая страничка крамольного текста заворачивалась в маленький целлофановый пакетик и отправлялась в густую непрозрачную жидкость. В итоге таможня – уже советская – не усмотрела ничего странного в запредельной «чистоплотности» студента, везущего домой со стажировки пятифлаконовый запас жидкого мыла. Потом видел странички развешанными у друга в ванной – подсушиться. А шампунем вся его семья пользовалась еще полгода. Как раз до 200-летия независимости США.

Книга была сброшюрована обратно и надежно спрятана. Сегодня аналогичную можно приобрести в Интернете простым нажатием компьютерной мыши. Что ж, в такие моменты вспоминаю Бориса Гребенщикова: «Восемь суток на тракторе по снежной степи... Красота никогда не давалась легко...»

Чем-то похожая ситуация, но уже с книгами авторства самого Александра Исаевича возникла у меня в Африке. В разгар войны в социалистической Эфиопии можно было спокойно купить любое из запрещенных в СССР изданий. Этим парадоксом с удовольствием пользовались наши военные переводчики, к числу которых я относился в период с 1977 по 1979 год.

С тех пор произведения Солженицына, творчество которого я очень люблю, в основном существуют в моей голове на английском. Ведь из всего собрания сочинений я впоследствии перечитал на русском только «Раковый корпус». Ну и, естественно, три восхитительных рассказа, переводная версия которых меня не интересовала. Ведь они еще в 62–63-м годах были опубликованы у нас в «Новом мире». Везти антисоветские книги домой, в отличие от моего друга, я не рискнул. Поэтому в ночь перед отлетом на родину установил собственный рекорд скорочтения на иностранном языке, с восторгом одолев последнюю – «В круге первом».

Глава четвертая Эфиоп твою...

*Итиопия тькдем!
(Эфиопия превыше всего!)
Лозунг социалистической революции*

Как в кино

Кубинский генерал, печатая шаг по дорожке императорского парка Аддис-Абебы, вальяжно приближался к дворцу. Да, именно так: вальяжно печатая. Ведь мокасины, весьма неожиданные в сочетании со строгой формой, придавали его, бесспорно, военной походке этакую небрежность.

Страусы не разбегались. Это месяца через два, когда Арнальдо Очоа разместит здесь под каждым кустом своих автоматчиков для защиты эфиопского руководства от отрядов оппозиции, забавные птицы начнут хрестоматийно прятать головы в песок. Пока же наша процессия не вызывала у них никакого страха. В нее, помимо самого Очоа, входили два его охранника из регулярной кубинской армии, советский генерал-лейтенант Чаплыгин и я, свеженький выпускник иныза, приставленный к грозному Петру Васильевичу в качестве переводчика английского языка.

Впрочем, два военных советника спокойно общались между собой и без моей помощи: кубинец был выпускником нашей Академии имени Фрунзе. А вот разговор с эфиопским президентом, точнее, председателем Временного военно-административного совета Менгисту Хайле Мариамом, на встречу с которым мы и направлялись, предстоял в основном на языке Шекспира. Ведь все более или менее высокие чины местной армии прошли обучение в западных военных академиях. И никто из них не настаивал на том, чтобы прибывшие на помощь в войне с соседним Сомали русские и кубинцы осваивали амхарский.

Правда, сам подполковник Менгисту получить образование на Западе не успел. Пришел он к власти еще сержантом, попросту расстреляв во время совещания правительства тогдашнего руководителя страны Тефери Банти. По сигналу будущего главы демократического африканского государства в зал императорского дворца вошла дюжина автоматчиков и сделала свое дело.

Стремительно продвигаться по лестнице воинских званий в такой политической ситуации было гораздо легче, чем освоить формы глаголов и правила употребления артиклей, поэтому местный переводчик с английского на амхарский на встречах все же присутствовал. Но исключительно для подстраховки.

Добавлю, что Менгисту занял дворец, не нарушив последовательности в развитии событий. Ведь его предшественники в свое время расправились с самим императором. Этакая жизненная эстафета. Вполне логичная, хотя, согласитесь, весьма досадная для участника каждого предыдущего этапа.

Короче, жил да был один король, но речь сейчас не о нем, а о человеке в неуставных мокалинах, которые вдруг, совершенно неожиданно для нас с Петром Васильевичем, совершили поворот в сторону элегантно окаймлявших дорожку клеток со львами. Подойдя к одной из них, Очоа бросил на окружающих задорный взгляд и просунул руку сквозь решетку...

Бесстрашного дивизионного генерала расстреляют десять лет спустя. Не посмотрев на то, что он в исторический для Острова свободы час бок о бок с Фиделем Кастро и его соратниками бился против войск диктатора Батисты на легендарном Плайя-Хирон, что был Героем Кубы и членом руководства ее Компартии, что по приказу родной страны воевал не только в Эфиопии, но и в Анголе, а также обучал повстанцев в Конго и пытался поднять восстание в Венесуэле.

Внешне похожий на нашего знаменитого скрипача и дирижера Владимира Спивакова, статный и мужественный полководец имел не только заслуги, но и вид народного героя. Злые языки говорили, что именно это и не понравилось Фиделю.

Столь примитивное толкование судьбы генерала я стараюсь не принимать хотя бы из привитого в пионерском детстве уважения к лидеру кубинской революции. К тому же его именем сейчас названа бывшая Песчаная площадь в Москве, где я прописан.

И все же официальная версия меня тоже настораживает. Согласно приговору суда, состоявшегося в Гаване, Очоа был осужден за торговлю наркотиками, растрату и организацию коррупционных схем. Люди, изучавшие эту историю гораздо глубже, чем я, считают действительной причиной попытку военного заговора с целью начать на Кубе что-то вроде нашей «перестройки».

Ведь шел 1989 год. Говорят, кубинскими спецслужбами были подслушаны рассказы Очоа о том, что у его советских товарищей по оружию, с которыми он поддерживал связь и после завершения африканских кампаний, меняется позиция относительно ценностей социализма, что там, у них, близок переход к демократии. Потом – его весьма странная, нерешительная и неловкая попытка бегства в Майами на катере, арест и обвинение в государственной измене. 13 июля в кубинской столице приговор 58-летнему генералу был приведен в исполнение.

...А тогда рука Очоа скользнула по животу львицы. Пощекотав обалдевшее и застывшее от такой наглости животное, генерал подмигнул своему русскому визави. На что Чаплыгин, вообще-то не отличавшийся особой любовью к шуткам, вдруг неожиданно и довольно громко пропел популярное: «Куба, любовь моя!»

Отправляясь домой после победоносной эфиопской операции, веселый, храбрый и жадный до жизни во всех ее проявлениях кубинец подарил нашему генералу роскошный «Мерседес». Который до сих пор покоится на дне то ли Красного, то ли Средиземного моря. Автомобиль было приказано переправить из Аддис-Абебы в Москву на грузовом самолете. С аналогичной истории, кстати, начинается новый фильм «Экипаж». Там герой Данилы Козловского решает сбросить в воду навязанную ему для транспортировки машину из-за возникшего перегруза. Вот и в реальной жизни летчики сослались на ту же проблему. А что там было на самом деле – кто его знает...

Появление элитной иномарки в измученной войной, болезнями и голодом Эфиопии не было чем-то удивительным. Кубинские подразделения, которые вели бои на Африканском Роге, вытесняя сомалийцев из захваченной ими пустыни Огаден, получали отличную материальную поддержку с родины.

Скажу сразу, что советских войск в Эфиопии не было, за исключением взвода охраны нашего главного, но очень маленького штаба в Аддис-Абебе. СССР в этом вооруженном конфликте был представлен исключительно военными советниками разного уровня – от специалистов по танкам и бронетранспортерам до опытных стратегов, которые должны были не только помочь спланировать важнейшие операции, но и переделать всю оргструктуру ВС Эфиопии. Логика здесь понятна: если ты полностью покупаешь для своей страны новое вооружение, то и организация твоей армии просто не может ему не соответствовать. В итоге эфиопы на каком-то этапе приняли все. Хорошо помню, как детально переводил для них наш

устав в той части, которая касается, уж извините, количества солдатских, скажем так, голов на одно «очко» в туалете.

И, я вам скажу, обсуждение с эфиопской стороной было достаточно острым. Даже, извините, геморройным.

Так вот, единственное, что категорически не согласились перенять у нас наши африканские братья по оружию, так это военную форму. Причем не подошла она им не столько по климатическим соображениям (предлагались разные, в том числе облегченные, варианты), сколько по эстетическим. До нас эфиопов снабжали всем американцы. В августе 77-го советские генералы и полковники заезжали на ранее занимаемые ими виллы. Почти без преувеличения, сталкиваясь нос к носу в дверях с заокеанскими коллегами. Никогда не забуду, как наш автомобиль едва не протаранил неожиданно появившийся из ворот американский джип, за которым на прицепе катилась приличного размера яхта. В частенько страдающей от жажды стране, вдали от каких-либо водоемов да еще и на высоте 2400 метров смотрелась она довольно странно.

Поддетые под форму и выглядывающие под горлом белоснежные маечки, свитеры цвета хаки с изящными карманчиками, пуговичками и специальными аккуратными заплатками на локтях, моднейшие даже для гражданской жизни высокие черные ботинки с рифленной подошвой – от этого эфиопы просто физически не могли отказаться. Особый разговор – роскошные натовские куртки. Получив одну из них (а вся форма выдавалась и нам), я ахнул от удивления. При росте 188 см и тогдашнем весе в районе 85–90 кг мне подошел размер SMALL! Даже подумалось, что это прием устрашения со стороны потенциального врага.

Куртку, кстати, до сих пор с удовольствием время от времени надевает племянник Митя. А ведь с памятного дня моей экипировки на складе вооруженных сил Эфиопии прошло 40 лет!

Она вам не танк!

Но возвращаясь к «Мерседесу». Так вот, снабжение у кубинцев было отменное. Как и вообще организация жизни в местах их дислокации. Я никогда не был на Кубе, но увиденное и услышанное в лагере под Аддис-Абебой точно легло в рамки моего представления о принципах жизни на далеком острове. Например, солдаты с Острова свободы за свое участие в африканской войне не получали денег. Только натурой: по возвращении на родину каждому выдавали холодильник и телевизор. Как и дома, для них на месте было отлично налажено медицинское обслуживание. Столы для пинг-понга, гимнастическое оборудование – все для спорта. И при этом Havana Club к обеду, а можно и к ужину. Приезжая в гости к добрым друзьям, мы неизменно возвращались домой, затаренные этим прекрасным кубинским ромом.

Наши специалисты и советники получали зарплату в бырах. Автокорректор моего компьютера упорно правит на «в барах», но это, конечно, не так. В барах, когда боевые действия приостанавливались, деньги мы, наоборот, спускали. А выдавались нам быры, носившие неофициальное название «эфиопские доллары». Ты заказывал финансисту в штабе ту часть зарплаты, которая была необходима для жизни, остальное же переводили на счет в виде валютных сертификатов или чеков, которые по возвращении домой можно было использовать в специальных магазинах «Березка». Стоит ли говорить, что выбор там был несравненно шире, чем в обычной московской торговле. Я бы даже сказал без сравнительного оборота: в «Березке» выбор был. Точка.

Если военные переводчики подчас забирали зарплату полностью, чтобы нормально питаться и делать различные покупки в городе – от книг на английском языке, выбор которых, как я уже отметил, поражал, до дефицитных тогда дома джинсов, – то многие кадровые военные поступали по-другому.

Дело в том, что годового заработка, скажем, капитана, обучавшего эфиопских танкистов, хватало ровно на приобретение престижного автомобиля «Волга». Но для этого он должен был каждый месяц переводить на чеки всю зарплату! Тогда и только тогда в итоге набиралась нужная сумма. Нужная позарез. Ведь после года вполне могла прилететь замена. И тогда – все.

А как же жить?! Спасали привезенные из дома макароны и крупы. Алкоголь выменивался у местного населения если уже не на стекляшки и бусы (двадцатый век все-таки), то на элементы военной экипировки и кухонную утварь. Частью натурального обмена порой становились и женщины.

Из многочисленных историй, связанных с этой стороной быта группы советских советников и специалистов, расскажу одну, к счастью, завершившуюся без неприятных последствий, которые, увы, имели место нередко.

Договорившись с местной проституткой, несколько наших специалистов по танкам решили «обезопаситься» и провести санитарную обработку объекта. Причем сделать это точно по правилам обращения с боевой техникой. Короче, прямо скажем, весьма доверчивую девушку погрузили в ванну со специальной жидкостью для чистки танков. Но «Ты – агрегат, Дуся» – это ведь только песня, выдумка... К счастью, парни быстро поняли свою ошибку. Эфиопка избежала серьезных ожогов, и только поэтому дело не получило огласки.

Так вот и жили. Один советник-артиллерист хвастался мне, что за год службы ни разу не держал в руках денег. Понимая ненормальность подобной ситуации, командование время от времени издавало приказ об обязательной выдаче хотя бы минимального количества местной валюты. Но, по сравнению с другими распоряжениями, которые требовали неукоснительного исполнения, это был, я бы сказал, этакий «приказ-лайт». Вспоминали о нем довольно редко, в основном когда на кого-то за тот или иной проступок накладывались финансовые санкции.

От кубинцев нас отличал не только принцип вознаграждения за боевые дела, но и достаточно скептическое отношение к происходящему. Да, даже вдали от своей страны мы оставались ее частью. Но я сейчас говорю не о тоске по милой сердцу Москве, не о неизменном первом тосте за родную землю и не о плече друга в бою.

Как и многие люди дома, мы осознавали всю неправильность происходящего в Советском Союзе, нелепость нашего пребывания в Африке и бредовость даже мелких деталей, из которых складывалась тогдашняя жизнь.

Так, в прифронтовой полосе мы конспектировали «Малую землю» и «Возрождение» – книги генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. А потом сдавали зачет в палатке парткома. Театр абсурда. Десять лет спустя эти книги, сработанные «литературными неграми» общества развитого социализма, будут изъяты из книжных магазинов и списаны в макулатуру.

Я снимаю шляпу перед мужественными диссидентами, вышедшими тогда с протестом на Красную площадь. Но мы были слабее их. Говоря простым языком, не хотели, чтобы нас били и сажали. Чтобы из-за нас страдали наши близкие. И, как многие наши сограждане, просто приняли правила игры. Нелепой, жестокой и, к счастью, закончившейся.

Так вот, на этом фоне кубинцы удивляли искренностью своих коммунистических убеждений. Наверно, лишь два раза в разговорах с самыми молодыми из них я почувствовал тень сомнения в правильности образа жизни у них дома. Да и то, по большому счету, касалось это каких-то мелочей.

Была ли тогда и есть ли сейчас на Кубе вот та самая «кухонная фронда», как когда-то у нас? Потому что если и была, то с иностранцами, даже из самой дружественной страны, они ничем подобным не делились.

Впрочем, генерал Очоа, возможно, эту заповедь нарушил...

Что же касается храбрости и какого-то потрясающего задора этого народа, то этим я всегда буду восхищаться. Пусть даже один кубинец едва не лишил меня жизни. Но об этом – в отдельной главе. Где про травмы.

Язык мой – друг мой

Твоя работа и подчас твоя судьба, здоровье, а то и сама жизнь во многом зависела от того, чьим языком ты был на протяжении двух лет службы. То есть кому и где переводил.

Работа с главным военным советником пришлось на первый год в Эфиопии. Все было делом случая. Во время распределения нас между небольшим числом советников и специалистов, прибывших на Африканский Рог первой группой, почти сразу после начала войны, Чаплыгин увидел в моей биографии строчку об американской стажировке двухлетней давности. Видимо, это произвело впечатление на генерала: «Пойдет ко мне!»

Густые седые брови Петра Васильевича нависали над глазами, которые казались мне то стеклянными, то наполненными яростью зверя. Прямо скажем, генерал был беспощаден не только к врагу. В самом начале службы я совершил то, что до сих пор считаю переводческим подвигом: за вечер и ночь перевел на английский устав Вооруженных Сил СССР. В сокращенном виде, но, поверьте, это была приличная стопка отпечатанных листов. После чего, обессиленный, уснул на бильярдном столе клуба советского посольства в Аддис-Абебе.

Мне до сих пор кажется, что за все время социалистического строительства в Эфиопии, которое благополучно закончилось отказом от светлой идеи, никто так и не прочитал мое творение от начала до конца. Но приказ есть приказ. Чаплыгин отправился спать (тогда он еще не переехал на виллу, а жил в одном из номеров посольской гостиницы), а я наедине с печатной машинкой взялся за работу, по сравнению с которой, скажу вам, Геракловы авгиевы конюшни – ничто. Конечно, в смысле затраченного труда, а не предмета работы – не хочу прозвучать неуважительно к уставу.

На утреннюю благодарность я не рассчитывал изначально, понимая: не детский сад! Но еще меньше ждал критики. «Чего глаза красные? Пил всю ночь? И по девкам?»

Думал ли я тогда, что этот ужасный, несправедливый и мрачный человек в один прекрасный день будет называть меня «Витюхой» и угощать яичницей собственного приготовления?

В критический для эфиопской революции момент мы пасмурным утром по пустынной Аддис-Абебе продвигались к императорскому дворцу. Водитель Толя с автоматом под правой рукой. Сам Чаплыгин на переднем сиденье с пистолетом в кармане. И у меня на заднем зачем-то сразу и то, и другое. Несмотря на светлое время суток, казалось, что по улицам шныряют тени. За каждым углом виделся террорист, хотя тогда ныне ежедневно пугающее нас слово еще не стало обиходным, и мы вслед за официальной местной прессой называли их «анархистами». На самом деле то были боевики оппозиции, много лет спустя свергнувшей-таки режим Менгисту.

За час до этого Петр Васильевич разбудил меня в гостиной своего посольского номера (на всякий случай ночевать я остался на «советской территории»). Тогда-то и прозвучало немислимое: «Витюха, вставай! Завтрак готов».

Видимо, когда дело доходит до края, до реальной опасности, тут и проявляется истинная суть человека. А надувание щек и начальственный окрик – для другого времени. Как это ни парадоксально звучит – для более спокойного, не критичного.

...Теперь императорский парк выглядел совсем не так, как в день памятной львиной эскапады кубинского генерала. Что уж говорить о несчастных страусах, если даже львы, казалось, поджали хвосты. За час до нашего прибытия была первая попытка атаки дворца.

Пусть легкая, с которой без труда справилась охрана, но даже одиночные выстрелы не могли не напугать животных.

И самого Менгисту тоже. Председатель Временного военного административного совета предстал перед нами явно не в себе. Его мальчишеское, кстати, достаточно симпатичное лицо было искажено гримасой страха. Холодная, потная рука. После рукопожатия я невольно вытер свою о брюки, тут же уловив на себе недовольный взгляд руководителя протокола.

«Менгисту, что ты трясешься? Ты же глава государства. Люди на тебя смотрят». Голос советского генерала сотрясал стены зала для переговоров. Я попытался переводить адекватно, сохраняя и стиль, и интонацию. Понимая, что в такой ситуации это особенно важно. А Чаплыгин поднялся из кресла и приоткрыл оконную занавеску. «Смотри, кубинцы под каждым кустом, все контролируют. И мы тебя не бросим, не бойся».

В тот год пресловутые «анархисты» еще не были сильны. Их время придет значительно позже. На следующий день с улиц убирали трупы. В основном молодых людей. Убирали не сразу. Дав полежать в луже крови. Чтобы другим неповадно было...

На двух стульях

Мое «понижение», то есть дальнейший переход от Чаплыгина под начало советников рангом пониже, было обусловлено хитрым решением руководства нашего Министерства обороны. Прилетевший из Москвы коллега, который заменил меня в работе с главным, знал еще и амхарский. Эфиопской стороне об этом до поры до времени ничего сказано не было, и переговоры по-прежнему шли на английском. А после составлялся полный отчет о том, что по ходу дела наши африканские друзья говорили друг другу.

Кстати, прислушаться к их разговорам между собой был смысл, причем, скорее всего, даже не на переговорах. Все же на этих официальных заседаниях если критика русских партнеров-союзников и появлялась, то касалась она лишь вопросов стратегии и тактики ведения боевых действий. Тем более что первые три месяца войны мы удивительным образом сидели на двух стульях. Ведь советские военные и вооружение одновременно были и на стороне противника, у сомалийцев. И пока Брежнев решал, какое из двух «строющих социализм» государств перспективнее для Советского Союза, столь странное положение сохранялось. Стоит ли говорить, что, когда предпочтение отдали Эфиопии, наши пушки и танки, в отличие от людей, даже не пришлось забирать обратно: достаточно было прекратить поставку запасных частей.

А «тайное» знание местного языка позволяло понять настроение эфиопов и на дружеских встречах, тем более после нескольких стаканов на вкус легкой, но сбивающей с ног медовухи...

Я с самого начала своего пребывания не верил в то, что офицеры, раньше верой и правдой служившие незаконно свергнутому императору, проходившие обучение в американских и английских военных академиях, могли в одночасье принять веру в социализм. И намеки на инакомыслие за время моей более чем двухлетней службы постоянно возникали то там, то тут.

Помню даже одну неожиданную встречу с местным поэтом-диссидентом. Вы прекрасно понимаете, какие ассоциации, какие параллели это вызвало у меня, прилетевшего из Советского Союза, тогда, в конце 70-х. Сидели у него дома. Он говорил полупшепотом, был предельно откровенен, доверчив и смел. Стоит ли добавлять, что полагавшийся рапорт о той встрече мной написан не был.

Десять лет спустя после демобилизации я, уже сотрудник ТАСС, совершенно опустошенный стоял у телетайпа агентства Ассошиэйтед Пресс или Рейтер, принесшего ужасную

для меня новость. Группа эфиопских военных воспользовалась тем, что Менгисту был с государственным визитом в ГДР, и подняла мятеж.

Они совсем немного не рассчитали по времени. Председатель вернулся и под флагом «красного террора» покарал восставших.

Через два года один из жесточайших правителей XX века, свергнутый со своего поста, бежит в Зимбабве, где его примет другой тиран – тамошний президент Роберт Мугабе. На время написания этой книжки 76-ти или 80-летний Менгисту (дата его рождения в различных документах указана по-разному) живет там в статусе политического беженца. Приговоренный на родине за убийства, пытки и голодную смерть сотен тысяч людей сначала к пожизненному заключению, а потом и к смертной казни. До сих пор Менгисту винит в своем свержении Михаила Горбачева, в 1990 году прекратившего оказывать военную помощь Эфиопии. Бывший тиран с семьей занимает правительственную виллу и перенес всего одно неудавшееся покушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.